

АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ЛЕОНТЬЕВЫХ

О.В. Ахметова (г. Нижний Тагил)

В связи с необратимыми процессами глобализации в мире становится всё более актуальным научное наследие Алексея Николаевича и Алексея Алексеевича Леонтьевых. В частности этнопсихолингвистика, изучающая национально-культурную специфику речевого общения, анализирующая так называемые речевые коды. Так русским национальным речевым кодом, общепризнанным символом России, является лексема «берёза».

«Разгадывание» речевых кодов, авторских и общенациональных, или декодирование, стало темой научных изысканий и замечательного уральского поэта, доктора филологических наук, профессора и автора ряда монографий и учебников по текстоведению, Юрия Викторовича Казарина, одного из основателей новой дисциплины – поэтологии. Юрий Викторович считает, что «человек как носитель языка, кроме того, есть ещё и носитель речи (активно) и текста (потенциально). Также человек пишущий должен находиться в особом состоянии, характеризующемся наличием активной познавательной неуверенности»[3.29]. Об этом же говорит и А.Н. Леонтьев, основатель психолингвистики: «Действительная противоположность есть противоположность образа и процесса, безразлично внутреннего или внешнего, а вовсе не противоположность сознания предметному миру»[1]. Это означает, что «активизация языкового и текстового мышления», в том числе и поэтического, наступает в период «активной познавательной неуверенности», когда представление о мире, реалии (образ) вступает в противоречие с процессом жизни, миром, реальией. Становится понятным, почему «текстовые личности» часто потенциальные самоубийцы (С. Есенин, В. Маяковский и другие). И почему особая речевая активность наиболее свойственна людям «пограничных состояний»: эффективных или аффективных. Такие состояния

изучаются ещё одним подразделом психолингвистики – патопсихолингвистикой.

Нам же, преподавателям русского языка и литературы, безусловно, наиболее интересен такой раздел психолингвистики, как психопоэтика. Тем более что он тесно связан с наукой о толковании, понимании и интерпретации текстов – «филологической герменевтикой» (М. Бахтин)[2]. Психопоэтика изучает фонику, ритмику, лексику, образную структуру и поэтический синтаксис художественно-поэтических текстов в соотношении с «текстовой личностью» создателя (по Казарину). Именно она помогает объяснить, почему такие «несходные, семантически далёкие, но отождествлённые в данном фрагменте» номинанты начинают обозначать одно и то же, создавая образ (по Н.В. Павловичу)[1]. Например, пушкинский «кинжал», обозначающий убийственную силу поэзии.

Именно психопоэтика способна дать ответ и на провокационный вопрос ученика: «Почему автору (поэту, писателю) можно (допускать речевые и грамматические ошибки), а нам, ученикам, нельзя?» Действительно, анализ поэтического синтаксиса демонстрирует правоту утверждения «что позволено Юпитеру, не позволено быку». Так, например, в стихотворении поэта-шестидесятника Бориса Слуцкого допущено как минимум две грамматические «ошибки»:

Поколению по имени-отчеству
думавших о самих себе
в изумлении верить не хочется
в такой поворот в судьбе.

Все их дети
на всём белом свете
просто Вали, Мани и Пети,
не желающие взрослеть
и отказываться от привычки

к уменьшительной детской кличке,
выходить из Валь, Мань и Петь.

Поколение, что почитало
звания, ордена, чины,
неожиданно воспитало
тех, **кто никому не должны.**

Поколение, шедшее в ногу
по шоссе, обнаружило вдруг:
на обочине или немного
в стороне, и парами – сам-друг,

**не желая на них равняться,
а желая только обняться,**
без затей и без идей –
поколение своих детей.

Как видим, налицо нарушение согласования подлежащего и сказуемого в категории числа: «...тех, кто никому не должны», а также употребление деепричастных оборотов в предложении со сказуемым, относящимся к иному деятелю, не тому, кто совершает добавочное действие, выраженное деепричастием, что недопустимо в грамматике и проверяется заданиями А4 и А5 в контрольно-измерительных материалах ЕГЭ по русскому языку.

Однако законы поэзии и характер текстовой личности автора диктуют свои правила. Необходимость рифмы «чины – должны» изменяет форму сказуемого. Факт отсутствия активной жизненной позиции у инфантильной молодёжи лишил предложение с деепричастными оборотами сказуемого: нет действий, благородных поступков – нет и сказуемых, их обозначаемых. Так авторская позиция Б. Слуцкого (неприятие индифферентности «поколения

детей»), его текстовая личность стали уважительной причиной нарушения грамматических норм в произведении.

Вот как об этой особенности поэтической речи говорит Владимир Маяковский в автобиографии «Я сам»: «Ко всем именинам меня заставляют заучивать стихи. Помню – специально для папиных именин:

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор...

«Соплеменные» и «скалы» меня раздражали. Кто они такие, я не знал, а в жизни они не желали мне попадаться. Позднее я узнал, что это поэтичность, и стал тихо её ненавидеть»[4.57].

Но сколько бы футурист Маяковский не боролся с поэтичностью, психопэтика побеждает. Истинное искусство живёт по своим законам. И созданное текстовыми личностями нуждается в декодировании и ждёт своего часа понимания, которое невозможно без соотнесения «ситуации общения и сообщения», ведь «психолингвистика имеет дело с процессами кодирования и декодирования, соотнося состояние сообщений с состоянием участников коммуникаций»[1].

Источники

1. lib.kbsu.ru/Elib/books/21/53психолингвистика.pdf
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
3. Казарин Ю.В. Мастерская текста (книга о текстотворчестве). – Екатеринбург: ИД «мАрАфон», 2008. – 296с.
4. Маяковский В.В. Люблю: Поэмы, стихотворения, проза. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 368с.